

МИХАЙЛО ТРЯПИЦЫН

Михайло Иванов Тряпицын, крестьянин дер. Усть-пога у Кенозера, 58 лет, небольшого роста, лысый, с русою бородою. Поет былины, которые заимствовал от деда и отца; в молодости знал больше; так, теперь он не мог припомнить былин про Святогора и про Илью Муромца, которые пел в прежнее время. Михайло Иванов упоминал, что и с его слов были записываемы „старины“ для г. Рыбникова тем же фельдшером, который записывал их у Сивцева. Оказывается, что былины, помещенные в сборнике г. Рыбникова под именем Михайлы Богданова, должны принадлежать этому певцу. Имя Богданова вкралось тут, вероятно, по ошибке.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ

- От того от города от Галичи
 Да ко городу было ко Киеву
 Идѣ калика перехожая.
 Балахонишко одето веретном тряхнуть,
 5 Татавурищом он подпоясался,
 Лапотци на ножках ёво липовы,
 Бородушка у старого седѣхонько,
 Головушка у стара на убел бела.
 Да идѣт старик по городу по Киеву,
 10 Захотелось зайти стару на царев кабак,
 Да выпить стару зелена вина.
 Идѣт-то старой потихохонько,
 Да ступает старой полегошенько,
 Он молитву творит и воисусову,
 15 Ён крест кладет по писаному,
 Клонится на все четыре на стороны:
 — Да здравствуйте, чумаки вы чѣловальники,
 И здравствуйте, бурмисты ларечные!
 Ай вы чумаки чѣловальники!
 20 И налейте вина мне полтора ведра,
 Да опохмельте калику перехожаго.

283

- Розопьюсь я старой, выпью на две тысящи.
 Говорят чумаки человальники:
 — Тебе нѣ во что старому поверити.
 25 Да головушка у стараго седѣшенько,
 Да бородушка у стара на убел бела,
 На головушки у стараго зелен колпак,
 Да сорочишка одежда исприношена.
 Да снимае с вѣрота старой чуден крест,
 30 В долину крѣст он и две четверти,
 Поперѣк-то крест и в целу четверть,
 В толщину-ту крест был он и двух верхов,
 Он старого червоннаго золота.
 Не берут чумаки ли целовальники,
 35 Не берут у него крѣста чуднаго.
 И те ли бедны голи кабацкие,
 Да те ли мужики деревенские,
 Склали мужики оны по денежки,
 Да побольше тово по копеечки,
 40 И купили вина полтора ведра.
 Да примае старой одной рукой,

И выпил старой на един на дух.
Говорил им старой таково слово:
— Вам спасибо, голи кабацкие,
45 Да спасибо, мужики деревенские!
Напоили стара меня дó пьяна,
Не напоили только стара роззадорили,
И теперь у нас дело поздноё,
Приходите по утру ко мне ранёшенько,
50 И напою я вином всех вас дó пьяна.
Да зашел старик на печку кирпичную,
И спит там старой просыпается.
Да ставае по утру он ранёшенько,
До восходу тёпла красного солнышка,
55 Да спрашивать ключов стал ларечников.
Ён и пришол ко погребам ко винным,
Да отворяет старой двери дубовые,
Берет бочку сороковку под пазуху,
Да другú сороковку под другую,
60 Ён и третью сороковку ногой катит,
Да выкатывал старой на зеленой луг,
Но на ту ли площадь торговую,
Да скрычал да старой громким голосом:
— Эй же вы голи кабацкие,
65 Да вы мужики деревенские!
Ступайте вы ко стару на почестной пир,
Напою вином я всех вас дó пьяна.
А те ли чумаки ли чёловальники,
Собралось их человек до восьмидесяти,
70 Отбивать ли у стара зелена вина.
Ничего не могли у стара сделати,
Да пошли просить ко князю Владимиру,
Да на этого калику перехожаго.
— Ты Владимир князь столен-киевской!
75 Да у нас-то было во вчерашной день
Неведома калика появиласе:
Борода у калики седёхонька,
Голова у калики на убел бела,
Сорочинская одежда вся истаскана,
80 Лапотци на ножках ёво липовы.
Да зашёл в подвалы к нам во винные,
Бочку сороковку брал под пазуху,
И другу сороковку брал под дру́гую,
Да третью сороковку ногой катил.

- 85 Да выкатывал старой на зеленой луг,
На ту ли площадь торговую,
Да собрал мужиков деревенские,
И собрал голей он и кабацкие,
И роспоил вино да и безденежно.
- 90 И где мы эту сумму, сударь, будем взыскивать?
Говорил князь им таково слово:
— Ай же чумаки вы человальники!
Посмотрю я калики перехожего,
Да за это я вам росчитаюсе.
- 95 И роспоил стар зелено вино,

285

- Говорил старой таково слово:
— Ай вы голи кабацкие,
Да вы мужики деревенские!
Вы ступайте теперь по своим местам,
100 По своим местам, по своим домам,
По своим домам к молодым женам,
К молодым женам, к малым деточкам.
Я пойду теперь старой на царев кабак,
Да пойду ведь я на печку кирпичную,
- 105 И буду я старой просыпатисе.
Да по тому ли по утру по раннему
Приходя от князя слуги верные,
Говорят ене таково слово:
— Ай ты калика перехожая!
- 110 Ты ступай-ко ко князю ко Владимиру.
Говорил им старой таково слово:
— Ай же вы братцы товарищи!
Напрасно меня стара беспокоите,
Не даёте мне старому проспатисе.
- 115 Сошел старик со печки кирпичные,
Да пошел старик по городу по Киеву,
Мимо этие палаты княженецкие.
И кричит старой громким голосом:
— Ай ты Владимир князь столен-киевской!
- 120 Получай-ко сумму за зелено вино
Ты с донского казака ли с Ильи Муромца.
Я пойду теперь старик во чисто поле,
И на ту пойду дорогу на Латынскую,
И на ту пойду заставу богатырскую,
- 125 Да под тот пойду старой под сырой дуб.

Записано на Кенозере, 11 августа.

286

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

А ездил-то старый по чисту́ полю,
 Ото младости ездил до старости,
 И наехал старой во чистом поли
 На те на три дороги широкие.

- 5 Лежит на дороги горюч камень,
 Да на том камёню подпись подписана:
 В дорожку ехати богату быть,
 В другую-ту ехати женату быть,
 Да во третью-ту ехати убиту быть,
 10 Стоит-то старой, сам дивуется:
 — Да колько по святой Руси не еживал,
 Такогого чуда век не видывал,
 Да на что-то старому мне-ка богатство,
 Своево у меня злата серебра,
 15 Своево у меня скату-жемчугу,
 На что мне-ка старому женитисе, —
 Да старая взять, мне замены нет,
 Да молоденька взять, мне чужа корысть.
 Я поеду старой, где убиту быть,
 20 Да убиту-то быть больнѣ ранену,
 На бою на драки смерть не писана.
 Да хорош был у стараго доброй конь,

287

- Был маленькой бурушко косматенькой.
 Грива у бурушка трёх локтей,
 25 А фост-от у бурушка трех сажон.
 Ён рики, озѣра перескакивал,
 Мхи-ты болота впромеж ног пустил,
 Ен широки раздолья перерыскивал,
 Да от смерти меня старова й унашивал.
 30 Да едѣт старик путем-дорогою,
 Тут стоит сорок тысячей разбойников,
 Да стоят и денные подорожники.
 Стали ёни ко старому приступывать,
 Хочут оны старого убить сказнить,
 35 Да хочут ёго старого с коня стащить.
 Говорил им старой таково слово:
 — Ай же вы воры разбойники,
 Ай же денные подорожники!
 Да бить-то меня старого вам не по что,
 40 И бить меня старого не за что.
 На кони у мня узда е во пятьсот рублёв,

И оттого узда у мѣня дорога,
Драгоценные каменья в ею вплѣтены,
Не для ради красы-басы молодецкие,
45 Для ради славы богатырские,
Да для ради проезду полуноцнаго.
И на кони е сѣдло в целу тысящу,
На се́бе ко́жан е во девять тысящей,
Свою доброму ко́ню да я цены не знай.
50 Да стали э́ни к старому приступывать,
И хочут э́ни старого убить-сказнить,
Да хочут ени старого с коня стащить.
И видит-то старой неминучую,
Да берет старой свой-от вострой меч,
55 Да в дру́гу руку копье да бурзومهцкое.
И начал старой поскакивать,
Да копьём, мечём ён помахивать.
И куда-де проедет — туды улица,
И куда-де отъедет — переулок знать,

288

60 Да прибил сорок тысячей разбойников,
Да прибил всех денных подорожников.
И ворочается старой из дороженки,
И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захерена
65 Да старым-то казаком Ильей Муромцем.
— Я поеду старой, где женату быть.
Да едет старой по чисту полю,
И стоит в чистом поли белой шатёр,
И приезжае старой ко белу шатру.
70 Привязал коня к золоту кольцу.
Выходила прекрасна королевична,
Брала стара за белы руки,
Уводила в палаты белокаменны.
Ставила столы ёна дубовые,
75 Наносила всеи ествы сахарние,
Напоила накормила стара до́ пьяна
Говорит прекрасна королевична:
— Старой казак Илья Муромец!
Мы пойдем с тобой во ложни во тёплые,
80 Да на те ли на кровати слоновых костей.
И на те ли на перины на мягкие.
Говорит королевна таково слово:
— Ай же донский казак Илья Муромец!
Ты ложись-ко ко стены кирпичные.

- 85 Говорил ей Илья таково слово:
— Ай же ты прекрасна королевична!
Нам ли у стенки спать не хочется,
В нас ли в стариках мочь не держится,
Да мы старики часто вон ходим.
- 90 Да взял прекрасну королевичну,
Ён бросил на кроватку на тисовую,
Повернуласи кроватка тисовая,
Да й упала королевна во глубок погрёб.
Да молодцов у неё туды наловлено.
- 95 Тут донские казак Илья Муромец,
Да розломал он двери ты железные,

289

- Да у этого погреба глубокаго,
Да выпускае молодцов на святую Русь,
Ворочается старой из дороженки,
- 100 Да та ли дорожка очищена,
И та ли подписка захерена
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.
Да поехал он старой, где богату быть,
Да едет старой по чисту полю,
- 105 Стоит в чистом поли царев кабак,
Да собираются в кабак воры́ разбойники,
Сбираются в кабак и голи пьяные.
Да розбил Илья этот царев кабак,
Да розгонял он всех голей кабацких.
- 110 Ворочается старой из дороженки,
Да и та ли дорожка очищена,
Эта ли подписка захерена
Да старым-то казаком Ильей Муромцем.

Записано там же, 11 августа.

290

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

А й Добрынушки мать ему наказывала,
 А й государыни Добрыни наговаривала:
 — А й да поедешь ты, Добрыня, во чисто́ полё гулять,
 А й да приедешь ты, Добрыня, ко синю́ ко морю́,
 5 А й ко синю ко морю, Добрыня, к морю чёрному,
 И поедешь, Добрыня, о синё морё,
 И палить будешь стрелять гусей, лебедей,
 Да малые пернастые утицы,
 А тем будёшь, Добрынюшка, питатисе.
 10 И приедешь, Добрыня, ко Пучаю ко реки́,
 А й розгорится твоё сердце богатырскоё,
 Да захочется, Добрыня, покупáтися тебе́,
 Заплови-тко, Добрынюшка, за пёрвую струю́,
 Заплови-ко, Добрыня, за другúю за струю,
 15 Да не плавай-ко, Добрыня, за трéтью за струю́.
 А й налетит тут змея, змея лютая,
 А й она лютая змея, змея пещерская,
 Да возьмёт тебя на хоботы на чёрные,
 А й унесё ли тебя на горы змеиные,
 20 А й да сядет ли к тебе на бёлые груди,
 Да распорет ли тебе да груди белые,
 А й она вынет ли сердце со печенью.

291

А ещё мать Добрынюшки наказывала,
 И государыни Добрыни наговаривала:
 25 — А й да поедешь ты, Добрынюшка, по Киеву гулять,
 Да не езд-ко, Добрыня, на царев кабак,
 Да не пей-ко ты, Добрыня, зелена вина,
 И не езд-во улицы Маринкины,
 Во те ли переулочки к Игнатъёвны.
 30 Эта ли ведь девушка Мариночка
 Отравила девяти она богатырей,
 А й отравит тебя Добрыню десятого.
 А й Добрыня матушки не слушаёт,
 Да садился Добрыня на дóброво на коня́,
 35 Да поехал он Добрыня во чисто́ ли во полё,
 И приехал он Добрыня ко синю́ ко морю,
 И ко синю морю Добрыня ко морю чёрному.
 Стрелял он палил гусей, лебедей
 И малые пернастые утицы,
 40 А й едет тем ли Добрынюшка питается,
 Да приехал ли Добрыня ко Пучаю ко реки́,

И розгорелось ёго сердце богатырское,
И захотелосе Добрыни покупáтисе ему́.
Скидывáет он с себя платье́ цветноё,
45 Да заплыл Добрыня за пёрвую струю́,
И ой заплыл Добрынюшка за дрúтую струю́,
И обзадорило Добрыню плыть за трéтью за струю́.
И налетела тут змея, змея лютая,
И взяла его на хоботы на черные,
50 И унесла ли его на горы́ змеинные,
И да садиласе к Добрыни на белы груди,
Да хочё ли распороти груди белые,
Да вынять ёво сердце со печенью.
Да говорит ли Добрыня таково слово:
55 — А й ты лютая змея пещерская!
А и не пори-ко, змея, моих белых грудей,
А не вымай-ко ты сердца со печенью,
А не придавай-ко мне смерти скорые.
Да ли ты, змея, пусть мне сестра родная,

292

60 И мы пойдём с тобою во чистóе во полё,
Да палить будём стреляти гусей, лебедей,
Да малые пернастые утицы,
И с тем, змея, с тобой будём питатисе.
И взяла змея на хоботы на черные,
65 И унёсла-де ведь Добрыню во чистó полё,
И во чистó полё Добрыню ко добру́ коню.
И надевает он Добрыня платье́ цветное,
И да садился Добрыня на дóброва на коня́,
И да берёт ли он саблю ли вóструю,
70 И во другú руку копьё бурзомецкоё,
И заздынул он саблю вострую,
Да отрубил ён змеи да буйну гóлову.
А й да поехал он, Добрынюшка, во Киев град,
И да заехал он, Добрыня, на царев кабак,
75 И да напился Добрыня вина дó пьяна.
Да поехал ли ён, Добрыня, по Киёву гулять,
Ен заехал ведь во улицы Маринкины,
И во те ли переулочки к Игнатъевны,
И ко той ли ко девушки к Игнатъевны.
80 А й у той Маринки у Игнатъевны,
По окошечку два голу́ба похáживаёт.
Да натягает Добрыня тúгой лук,
Накладáет он стрелочку каленую,
Да стреляет он во голубей во сизые.

85 Не попал ли ён во голубей во сизые,
Да ён розбил ведь околенку стекольчату,
Да рамочку ту вышиб позолочену,
Да убил ли у Маринки друга милого,
Друга милого убил у ней Тугарина,
90 Да Тугарина убил ево Змиёвича.
Ёму жалко стало стрелочки калёные,
Посылает ли Олёшеньку Поповича:
— Ты, крестовой брат, Алешенька Попович сын!
И сходи-ко ты за стрелочкой во высóк терём.
95 Ещё стрелочки у мя е наточёная,
И точёна стрелка золочёная.

293

Стрелка точенá ведь была на двенадцать гряи,
Сажена была-то перьями орли́нскимá,
Дарена-то была князем Владимиром.
100 И сходил ли Олеша во высок терём,
Да такой ли Добрынюшки ответ держал:
Говорила ёму девушка Мариночка:
— Да которыма руками стрелка стрелена,
Да темá руками пусть-де стрелка поднята.
105 Сам пошел Добрыня во высок терём,
Под Добрынею ступени подгибаются,
Половицы под ним да шатаются.
Да берёт ен стрелочку каленую,
Да выхóдит ли Добрыня на широкой двор,
110 Да та ли девушка Мариночка,
И брала ли она ножики булатние,
Да подрезала следы его горячие,
И обвернула ведь Добрыню черным соболём.

(Дальше не знает.)

Записано там же, 11 августа.

294

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ

Не беленькой кречеток выпорхивал,
 Не ясён соколичок вылетывал,
 Выезжал удал дородний добрый молодец,
 По прозванию Чурилушко сын Плёнкович.
 5 Но не скатняя жемчужинка катается,
 Да Чурило по Киеву катается,
 Выезжае противу дому Бермятова,
 Заиграл он во доску гусельною.
 Да перву доску играе про Киёв град,
 10 А й дру́гу до́ску играе про свою поездочку,
 А й третью доску играе про Бермятов дом.
 Да услыхала Катерина дочь Микулична,
 Зазывала Чурилу на широкий двор:
 — Заезжай, Чурило, на ширóкой двор,
 15 У меня Бермята-то дома не случилось,
 Да ушол ли Бермята во божью церкву,
 Да ён ушол к обедне благовещенской.
 Заходи ко мне в полаты белокаменны,
 Да станем, Чурило, мы во шахматы играть.
 20 Да перву доску играли: Чурило Кати мат даё,
 Да другу доску играли Чурило Кати мат даё.
 Да тово ли Катя не пытаючи,

295

Ёна крепче за Чурила принимается,
 И уводила во ложни во тёплые.
 25 Да служанка по терему похаживат,
 Таковы слова да выговариват:
 — А й Катерина, дочь Микулична!
 А не за хороши порядки принимаешься,
 И Катя глупого ума ты набираешься.
 30 Я пойду схожу к Бермяту во божью церкву,
 И на тебя, Катерина, накучу й намучу.
 Ёна спит-то Катя не пробудится,
 Да пошла ли служанка во божью церкву,
 А стоит-та Бермят да богу молится,
 35 И говорила ёму девушка служаночка:
 — А ай же Бермят сын Михайлович!
 А й у тебя в дому да заневéжа е.
 Ён спит с Катериной забавляется,
 Над твоим, Бермят, над домом надсмехается.
 40 Да стоит-от Бермят он богу молится,
 И богу молится Бермят да не отвёрнется.

И во вторóй раз служаночка гóворила:
— А ай же Бермят сын Михайлович!
А й у тебя в дому да заневéжа е.
45 Ён спит с Катериной забавляется,
Над твоим, Бермят, над домом надсмехается.
Да говорил ей Бермят таково слово:
— А ай же ты девушка служаночка!
Да ты правду гóворишь, тебя за мýж возьму,
50 Да ты ложно гóворишь, да голову срублю.
И достоял он обедню благовещенску,
Ён пришол в свою полату белокаменну,
Это заперты ворота те широкие.
Да первóй раз Бермят и постучается,
55 Да спит Катерина не пробудится.
И во вторóй раз Бермят и постучается,
Да из тэрема околицы вон посыпались,
Да крепко Катерина испугаласе.
И отворяла Катерина двери на́ пятау,

296

60 Да в одной становочки без пояса,
Да в калужских чулочиках без чéботов.
И говорил ей Бермят таково слово:
— А ай Катерина дочь Микулична!
Да что же сегодня не снаря́дна ходи́шь?
65 — Да сегодня у нас да дело празднично,
Да честнó господне благовéщенъё.
— А й ты врёшь, Катерина, всё оманивашь!
На дворе-то стоит ли Чурилов конь,
Да шинель-сертук висит Чурилово.
70 Говорит Катерина дочь Микулична:
— У меня в гостях есть ведь рóдной брат,
Да с Чурилом у их кóнями поменяно,
И сертуками шинелями побратано.
— А й ты врёшь, Катерина, все оманивашь!
75 И он зашол-де во ложни во теплые,
Да спит тут Чурилушко сын Пленкович.
Да не утреня зоря да знаменуется,
Да вострая сабелька промахнула,
Но не скатняя жемчужинка скатиласе,
80 Да Чурилова голова с плеч свалиласе.
Да не черная тафта да росстиляется,
Да Чурилова кровь проливается.
И отверня Катерине голову срубил.
Да берёт да девочку служаночку,

85 Да берёт Бермят да за себя́ замуж.

Записано там же, 11 августа.

297

ДЮК

- Кого нет сильнее да могучее,
 Старика Ильи да Ильи Муромца.
 Кого нет славнее да богачее,
 Молодца-то Дюка да Степанова:
- 5 Двор у Дюка на семи верстах,
 Да кругом двора да всё булатный тын,
 Столбики были точеные,
 Да точёные да золочёные.
 Да на каждом столбичку по маковки,
- 10 Маковки-ты были медные,
 Дорогою меди всё казарские,
 Да пекут лучи да солнопечные,
 По тому по городу по Галице,
 Да по той Волын-земли богатые.
- 15 Да еще у Дюка у Степанова
 Ворота были вольячные,
 Подворотенки были хрустальные,
 Надворотенки да дорог рыбой зуб.
 Да еще у Дюка у Степанова
- 20 Над воротами да над широкима,

298

- Да стоя у Дюка чудны образы,
 Да горя свечи неугасимые.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Да стоят три церкви три соборные:
- 25 Да на каждой церкви по три маковки,
 Маковки-ты были медные,
 Дорогою меди всё казарские,
 Да пекут лучи да солнопечные,
 По тому по городу по Галице,
- 30 Да по той Волын-земли богатые.
 Да во первую церкву соборную,
 Туда ходит Дюкова-та матушка.
 Да во другу церкву соборную,
 Туда ходит Дюк Степанович.
- 35 А во третью церкву соборную,
 Туда ходит дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора его широкаго,
 Да стоят три терема высокие,
- 40 Да высокие да златоверхие.
 Да во первом тереме высокием,

Да живёт тут Дюкова-та матушка.
А во другом тереме высокием,
Да живет тут Дюк сын Степанович.
45 Да во третьем тереме высокием,
Да живет дружина тут ведь Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Среди двора того широкаго
Да стояли погребы глубокие.
50 Да во эти погребы глубокие
Бочки спущены да на тетивочках.
Да во эти погребы глубокие
Да проведены да трубы медные,
Трубы медные да из чиста поля.
55 Да повиют ветры со чиста поля
Да во эти трубы да во медные,

299

Да во эти погребы глубокие,
В погребах там бочки зашатаются,
Оттого ли пиво да не затыкается.

(Дальше не знает.)

Записано там же, 11 августа.

300

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

- Когда взосияло красно солнышко
 На наше ясно на́ небо,
 Тогда нацарился грозный царь,
 Грозный царь Иван Васильевич.
 5 Ён царей казнил по-царские,
 Царя Симиона с места снял,
 Отнял клюху ли его царскую
 И снял порфиру королевскую.
 На ту на пору, на то время
 10 Хорош появился почестной пир,
 На многие на князей на бояров,
 На русские могучих богатырей.
 Все на пиру ли пьяны веселы,
 Да никто на пиру ничим не хвастае.
 15 Да то грозный царь Иван Васильевич
 Да ходит по гридни столовые,
 Таковы слова ён выговариват:
 — Да вывел измену изó Пскова,
 Я вывел измену из Ско́псково,
 20 И вывел измену из Нова-города,
 Из матушки вывел каменной Москвы.
 Стават из-за бо́льшого стола большо́й-от сын,

301

- Большо́й сын Иван Иванович:
 — Батюшко грозный царь сударь милослив!
 25 Дай одно слово мне-ка молвити,
 За одно слово не повесити.
 Только есть у нас изменщик за однем столом:
 На князя сказать напрасной грех,
 На барина сказать напрасна смерть,
 30 На братца сказать братца тошно жаль,
 На себя сказать пожалуйчее всех.
 Братец-от Фёдор Иванович
 Да по матушке ездил каменной Москве,
 Свои-ты подписи подписывал,
 35 Твои подписи похеривал,
 Прибил указы ко всем столбам.
 На ту пору на то времечко
 Будто сине море вскулыбалосе,
 Богатырско сердце розгорелосе.
 40 Грозный царь Иван Васильевич
 Да ходит по гридни столовые,

Такое слово ён выговариват:
— Да есть ли во пиру ли таки ма́стеры,
Казнить бы вешать роды царские.
45 Царски роды государские?
Встават из-за меньшого стола Малюта-та
Шкурлаткин сын,
Говорил Малюта таково слово:
— Ты грозный царь Иван Васильевич!
Дай указ да за своей рукой,
50 Да за дóрогой печатью государевой,
Казнить буду вешать роды царские,
Царски роды государские.
Дават указ и за своей рукой
И за дóрогой печатью государевой
55 Да казнить-то вешать роды царские.
По тому по утру по ранному,
И до восхода тёпла красного солнышка,
Берёт вор Малюта-та Шкурлаткин сын,

302

Да того ли Фёдора Ивановича
60 За рученьки брал за белые,
И за кудёрышка брал его за желтые,
Повёл во полё во чистое,
К тому ли болоту к Кули́кову,
На ту на казень на смертную.
65 И бы́ла у Фёдора матушка,
Обувала башмаки на босу ногу,
Шла к братцу к Никиты Романовичу.
— Братец Никита Романович!
А спишь и незгоды не ведаёшь.
70 Надо мной несчастьё состоялосе,
Не стало сына одинакого,
Твоего ли крестника любимого,
Увёл Малюта во чистó полё,
К тому болоту Кули́кову,
75 На ту на казень на смертную,
Да хочёт отрубить буйну голову.
Не много Никита розговаривал,
А скочил Никита скоро-на́-скоро,
Обувал сапоги на босú ногу,
80 Одевал ён шубу соболиную,
Накля́дал шляпу пуховую,
Берёт узду свою медную,
Да идё на конюшню стоялую,

Берё жеребца да не ежалога,
85 Не ежалога да не седла́ного,
Не седла́ного, то́лько узда́ного.
Только видел Никиту саждаючи,
Не видали Никиты поезжаючи,
Только столб стоит во чистом поли.
90 У вора Малюты-та Шкурлаткина
Лева ножка откинута,
Права рука заздынута.
А й скричал Никита громким голосом:
— Ай же Малюта-та Шкурлаткин сын!
95 Не твоя вор ества, не тебе вор есть,

303

А съеси́ собака кус, подавишься,
Теперь тебе вору живу не быть.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Левая нога́ его оглезнула,
100 Права́я рука его одрогнула,
Выпадала у Малюты сабля вострая.
Приехал Никита Романович
Да берёт своего крестника любимого,
Да посадил ево ли на добра коня,
105 Да повёз ево ли в каменну Москву.
Стоит Малюта пороздумалсе:
— Да как я молодец теперь к царю пойду.
Взял кобеля ли мелединского,
Отрубил кобелю ён буйну голову
110 И вынял сердце со печенью,
Подносил на подносы на серебряны.
Идёт к грозному царю Ивану Васильевичу,
Говорил царь таково слово:
— А й Малюта-та Шкурлаткин сын!
115 Да что же от сердца пёсей дух пахнё?
Говорил Малюта таково слово:
— Он закону-то был не нашево,
Порядку был не хорошего,
Отгово ли от сердца песей дух пахнё.
120 Да прошло тово времени целой год,
Да на ту ли заутрину христовскую
Приказал грозной царь Иван Васильевич
Обрядиться всем в платье опальнеё,
Поминать-то Федора Ивановича.
125 Да тот Никита Романович
Одевае платье ён цветноё,

Со каменём да драгоценным,
И пришол во церкву соборную
Да бьет челом поклоняется:
130 — Здравствуй, грозный царь Иван Васильевич
Со своимá ли детьми одинакима:
И со тем ли Иваном Ивановичом,

304

И со тем ли Фёдором Ивановичом!
Говорил царь таково слово:
135 — Да ты старая собака седатой пёс!
Да вочью́ ты мною насмехаешься,
По ворах и по розбойниках
Много потучиков и попецельщиков,
По моём по сыни по Федори
140 Не потучики не были, ни попечальщики.
Отстоял заутрину христовскую,
Да привел к обедени христовскиё,
Показал ли сына одинакова,
Да того ли Фёдора Ивановича.
145 Говорил царь таково слово:
— Да кто скраде, своруе, голову убьёт,
Да ступайте в Микитину вотчину.

Записано там же, 11 августа.

305